

The image is a composite. The upper portion is a colorful propaganda painting depicting Russian soldiers in a trench during a battle. In the foreground, a soldier with a mustache and a peaked cap looks forward with a determined expression, holding a rifle. Behind him, other soldiers are visible, some looking towards the viewer and others towards the battlefield. The background is filled with intense orange and yellow flames, suggesting a burning building or structure. Large, billowing clouds of grey smoke or dust fill the lower part of the painting. The lower portion of the image is a black-and-white photograph showing a fallen soldier lying on his back in a trench. He is wearing a military uniform and a cap. His rifle lies on the ground next to him. The trench is filled with debris, including wooden planks and straw. The overall composition is framed by a dark blue background with a white diagonal line separating the two images.

Русские солдаты
сражались и погибали
далеко от Родины

В статье предпринята попытка существенно уточнить имеющуюся информацию о Русском экспедиционном корпусе во Франции: данные о его численности, достоверность версии об отказе корпуса воевать, восстании, якобы жестоко подавленном французскими властями, судьбах солдат и офицеров корпуса, особенностях их возвращения на Родину. Важная задача, решаемая автором, — сохранение памяти о подвигах русских воинов как в России, так и во Франции.

Ключевые слова

Первая мировая война, Русский экспедиционный корпус, Западный фронт, Франция, Салоникский фронт, Особая бригада, А.А. Игнатьев, И.К. Синяевский, Ля-Куртин.

Автор

Струнин Григорий Евгеньевич — доктор философии (экономика и финансы) Европейского университета (ФРГ, Ганновер), лауреат медали Александра фон Штиглица.

55 миллионов раненых и искалеченных, 12 миллионов погибших мирных жителей и 10 миллионов погибших воинов — вот трагический итог войны 1914–1918 гг. Общие совокупные затраты по примерным подсчетам составили 208 289 млн долл.

В канун 100-летия начала Первой мировой войны растет интерес историков к различным аспектам истории первого крупнейшего военного конфликта человечества. Кому-то это может показаться удивительным, ведь отечественная и зарубежная историография насчитывает сотни, если не тысячи, добротных документальных и монографических исследований, бесчисленное множество статей и диссертационных работ, авторами которых, образно говоря,

и глубоко. В итоге в энциклопедической литературе содержится не только малозначительная, но и не совсем достоверная информация. Так, в Русском военно-историческом словаре [6] в статье о Русском экспедиционном корпусе сказано, что таково «условное наименование четырех русских Особых пехотных бригад (около 44,5 тысячи человек), направленных в 1916 г. во Францию по просьбе ее правительства и участвовавших в боевых действиях на Западном и Салиникском (очевидно, опечатка. — Примеч. авт.) (две бригады) фронтах Первой мировой войны. В 1917 г. отказались воевать, подняли восстание, которое было жестоко подавлено французскими властями. Основная часть корпуса вернулась на родину в 1919–1921 гг.».

55 миллионов раненых и искалеченных, 12 миллионов погибших мирных жителей и 10 миллионов погибших воинов — вот трагический итог войны 1914–1918 гг.

все поле поиска «перепахано» на большую глубину. Однако следует признать, что в отличие от ситуации в зарубежной историографии, за исключением, может быть, первого десятилетия после войны 1914–1918 гг., до самого последнего времени изучение истории Великой войны в нашей стране не носило системного характера и даже негласно считалось утратившим актуальность.

В результате такой неоправданной и труднообъяснимой установки целые сегменты исследовательской «зоны», относящейся к данной проблематике, оказались, так сказать, невостребованными или полузабытыми [1]. Одним из таких сегментов в современной отечественной военно-исторической литературе о Первой мировой войне [1–5] является деятельность Русского экспедиционного корпуса (РЭК), которая исследована недостаточно полно

Хотя словарь, как утверждает-ся, является «универсальным научно-справочным трудом, содержащим достаточно полную и объективную информацию», в данной статье принципы достаточной полноты и объективности информации не соблюдены.

Более полная информация о РЭК содержится в Военном энциклопедическом словаре 2007 г. издания: «Условное наименование четырех Особых пехотных и одной артиллерийской бригад (в 1917 г. преобразованы в две Особые пехотные дивизии) — общая численность свыше 44 тыс. чел., направленных в 1916 г. во Францию по просьбе ее правительства. Участвовал в боях на Западном и Салоникском фронтах Первой мировой войны. После Февральской революции 1917 г. солдаты РЭК отказались воевать за интересы западных союзников и потребовали возвращения на Ро-

дину. В ответ на отказ французского командования выполнить это требование русские солдаты (1-я и 3-я Особые пехотные бригады), расквартированные в Ля-Куртин (Франция), подняли восстание, которое было жестоко подавлено (сент. 1917). По настоянию Сов. Правительства основная часть РЭК была возвращена на Родину» [7]. И все же и из данной энциклопедической статьи мы не получаем полной информации: что это были за солдаты, откуда, как они отбирались и добирались до Франции, каковы их заслуги и потери, судьбы тех, кто не вернулся на Родину, и многое, многое другое.

Обращение к данной теме не случайно. Она не так давно вызвала интерес на государственном и даже международном уровне. В июне 2011 г. В.В. Путин и премьер-министр Франции Франсуа Фийон открыли в Париже памятник солдатам и офицерам РЭК. Мемориал сооружен на аллее Кур-ла-Рен в историческом квартале на правом берегу Сены неподалеку от дворца Гран-Пале и моста Александра III, в царствование которого был заключен Русско-французский союз. «Во французскую во-

енную летопись вошел героизм русской пехоты», — заявил журналистам профессор Сорбонны Франсуа-Ксавье Кокен. В сражениях при Эне и Шмен-де-Дам, напомнил историк, русские полки потеряли в атаках более 5 тыс. солдат. Среди тех, кто получил боевое крещение в составе корпуса, был пулеметчик Родион Малиновский. За воинскую доблесть будущий маршал дважды удостоивался французской военной награды «Круа де Гер» (Croix de Guerre).

После революции в России экспедиционный корпус расформировали, но многие из его воинов вступили добровольцами в Русский легион. Помешав ценой тяжелых потерь продвижению немецких войск к Парижу, он был назван во Франции «Легион чести». По словам французского маршала Фоша, Франция не была стерта с карты Европы в первую очередь благодаря мужеству русских солдат. Врач из парижского пригорода Ольнесу-Буа Юрий Копылов признался, что испытывает огромное волнение сегодня. «Офицером Русского экспедиционного корпуса был мой отец, награжденный на поле боя орденом Почетного легиона. Это часть не только общей истории России и Франции, но и моей семьи», — сказал он. Автор парижского мемориала — известный российский скульптор Владимир Суровцев. В его композиции «Родник» молодой русский офицер держит в руке французскую каску с русским двуглавым орлом. Сня-

тая каска — символ памяти о погибших боевых товарищах. Работа Суровцева стала одним из первых монументов новой России, посвященных Первой мировой войне 1914–1918 гг. [8].

Существует ряд мемуарных трудов и журнальных публикаций советского периода о Русском экспедиционном корпусе, которые наверняка заслуживают внимания [9–15]. Наибольшую известность получили воспоминания участников Первой мировой войны «Пятьдесят лет в строю» [16] А.А. Игнатьева и «Солдаты России» [14] Р.Я. Малиновского — непосредственного участника боевых действий в составе корпуса. В последнее время в малотиражных изданиях опубликованы воспоминания и других участников событий, в том числе Ивана Константиновича Синявского, побудившие автора написать эту статью.

И.К. Синявский родился в 1892 г. в селе Березное Черниговской губернии. В 1897 г. умер его отец, и вместе с двумя братьями и сестрой его воспитывали мама и бабушка. В 1900 г. И.К. Синявский поступил в церковно-приходскую школу, где проучился три года. В 1913 г. его приняли на военную службу. «Служил я в г. Киеве в 129-м пехотном Бессарабском полку во 2-й роте. Со мной еще служило много земляков, из которых еще один живет во Франции — Омельяненко Ефим Александрович. В 1914 г. я окончил школу унтер-офицеров и продолжал учиться. В мае месяце к нам в Киев при-

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954)

Окончил Владимирско-Киевский кадетский корпус, Пажеский Его Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Военный агент во Франции (10.03.1912–1917), одновременно (в период Первой мировой войны) представитель русской армии при французской Главной квартире. После октября 1917 г. встал на сторону советской власти и помог сохранить для СССР денежные средства, принадлежавшие России и вложенные на его имя во французском банке. Генерального штаба генерал-майор с 15.07.1916.

летал четырехмоторный самолет, называли его „Илья Муромец“¹. Этот самолет нас поставили охранять, чтобы никто на 200 метров не подошел к нему. Когда стемнело, мы — четыре человека, которые стояли у самого самолета, зашли в него, чтобы посмотреть его устройство. Вдруг нас застал дежурный по караулу и говорит: „Как вы могли оставить пост?“ И за это нам дали наказание по 10 часов под ружье. Когда мы пришли в лагерь, нас со всей выкладкой (72 фунта груза) начальник караула поставил против солнышка. Вдруг явился наш командир полковник Витковский и спросил меня, за что мы поставлены под ружье. Я ему

ответил, и он стал нас ругать. Сам он был большого роста, руки были большие, и он каждому из нас ударил в нос, так что кровь пошла из носа у каждого. Это назывался щелчок в наказание» [17] — так начинает свои воспоминания И.К. Синявский.

129-й пехотный Бессарабский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича полк входил в состав 33-й пехотной дивизии 21-го армейского корпуса². 9-й,

Малиновский
Родион Яковлевич
(1898–1967)

Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1945, 1958). В 1914 г. зачислен добровольцем в пулеметную команду 256-го Елисаветградского пехотного полка. В октябре 1914 г. ранен в боях под Сморгонью, награжден Георгиевским крестом IV ст. 1915 г. — запасный пулеметный полк в Ораниенбауме. С 20 апреля (3 мая) 1916 г. во Франции в составе 2-го пехотного полка 1-й Особой бригады. В ноябре 1916 г. участвовал в боях под Мурмелоном, награжден французским бронзовым крестом с мечами. Апрель 1917 г. — в сражениях под Курси, ранен, попал в госпиталь. После разоружения в сентябре 1917 г. русских бригад во Франции отправлен на работы в каменоломни г. Бельфорт. С января 1918 г. в Русском легионе 1-й Марокканской дивизии Французского иностранного легиона, в марте участвовал в боях под Пикардией. В октябре 1919 г. вернулся в Россию (Владивосток). С 10 ноября 1919 г. — в составе РККА, 240-й Тверской стрелковый полк. Май 1920 г. — декабрь 1923 г. — на различных должностях в полках 35-й стр. дивизии. 1923–1923 гг. — командир батальона 243-го стр. полка 81-й стр. дивизии. 1927–1930 гг. — слушатель ВА им. М.В. Фрунзе. 1930–1936 гг. — на оперативно-штабной работе в войсках Северо-Кавказского и Белорусского военных округов. 1936–1938 гг. — участник боевых действий в войне в Испании. Март 1938 г. — 1941 г. — преподаватель кафедры Службы штабов ВА им. М.В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны на должностях от ком. ск до командующего фронтом. В 1945–1956 гг. командовал военными округами. 1957–1967 гг. — министр обороны СССР.

10-й, 11-й и 21-й армейские корпуса, а также четыре кавалерийские дивизии включала в себя 3-я армия, сформированная в июле 1914 г. в Киевском военном округе. С началом Первой мировой войны армия вошла в состав Юго-Западного фронта. В ходе наступательных и оборонительных операций Юго-Западного фронта против австро-венгерских войск (**Галицийская битва** 5 (18) августа — 8 (21) сентября 1914 г.)

войска 3-й армии 6 (19) августа 1914 г. перешли границу Австро-Венгрии и вторглись в Галицию, развернув наступление на львовском направлении (**Галич-Львовская операция** 13 (26) — 15 (28) августа 1914 г.), и 21 августа (3 сентября) заняли Львов. В **Городокском сражении** 23–30 августа (5–14 сентября) 1914 г. во взаимодействии с другими армиями Юго-Западного фронта 3-я армия нанесла поражение австро-венгерским войскам, вынудив их оставить Галицию и отступить за реку Сан. Совместно с 8-й армией 8 (21) сентября 3-я армия блокировала мощную крепость Перемышль³, а в сентябре-октябре в составе Галицийской группы войск Юго-Западного фронта прикрывала на реке Сан левый фланг главных сил русских войск, ведущих боевые действия в центральной части Польши. В январе — апреле 1915 г. частью сил участвовала в **Карпатской операции** 1915 г. В июне армия была передана в состав Северо-Западного фронта, после разделения на Северный и Западный вошла в состав Западного фронта. Летом и осенью 1915 г. войска армии вели тяжелые оборонительные бои в Польше и Западной Белоруссии. В сентябре 1915 г. 21-й армейский корпус в составе 5-й армии принимал участие в **Виленской операции** (9 (22) августа — 19 сентября (2 октября)) 1915 г.

События кампаний 1914–1915 гг. так отражены в воспоминаниях И.К. Синявского:

«...началась Первая империалистическая война, и через два дня наши полк отправили в г. Дубно, где мы простояли еще две недели, а потом пошли дальше к границе Австро-Венгрии. По направлениям Броды, не доходя до Брод, у местечка Бускунас завязался бой: многие были убиты и ранены, потом пошли на Львов. Его взяли с боем, затем стали двигаться дальше, пере-

правились через реку Сан, и был опять большой бой возле Радимино и Ярославля. Потом двинулись на Перемышль, где оставались у крепости Перемышль четыре месяца. После взятия Перемышля погрузили нас в вагоны, и мы поехали в Карпаты — станция Межлаборж, там был большой бой в горах. Это был Юго-Западный фронт, командовал фронтом генерал от кавалерии А.А. Брусилов (в рассматриваемый период фронтом командовали генерал от артиллерии Н.И. Иванов (июль 1914 г. — март 1916 г.), генерал от кавалерии А.А. Брусилов (март 1916 г. — май 1917 г.). — Примеч. авт.). Наши войска 21-й армейский кор-

где тоже был большой бой. Там наш корпус и зимовал с 1915 г. по 1916 г. Штаб корпуса находился в Двинске. В конце зимы (февраль 1916 г. — Примеч. авт.) приехало много начальства. Корпус был построен для смотра. Мы прошли церемониальным маршем, а после этого из всего корпуса одну нашу 2-ю роту 129-го пехотного Бессарабского полка назначили к отправке во Францию...» [17].

Уже с ноября 1914 г. французы стали бить тревогу по поводу катастрофического положения с людскими резервами. Направлялись запросы президенту республики Пуанкаре, который не

России. Если на приемах у Николая II французский посланник Палеолог не терял изысканности: «Государь, Франция просит у вас содействия...», то с военным министром Сухомлиновым и министром иностранных дел Сазоновым он не церемонился. Реплика посланника в том смысле, что, мол, даром денег не дают, приведенная впоследствии Сухомлиновым в его записках, была столь же красноречива, сколь и характерна в переговорах с русскими. Начальник штаба великого князя Николая Николаевича генерал Янушкевич в минуты откровенности мог лишь досадовать по поводу притязаний «французи-ков», которые требуют батальон людей за одну автомобильную шину [18].

«Во французскую военную летопись вошел героизм русской пехоты...»

пус (33-я пехотная дивизия), 9-й, 10-й и 11-й корпуса начали отступление под натиском австро-венгерской и немецкой армий, которые прорвали фронт в апреле 1915 г. Отступали наши войска той же дорогой, которой наступали. Опять дошла наша дивизия до реки Сан. Там наше командование распорядилось занять оборону. 11 мая 1915 г. на рассвете налетели немецкие самолеты и разбомбили мост через реку Сан. Все орудия, которые были у корпуса, остались немцам, а солдаты плыли в панике через реку: многие утонули, многие попали в плен, словно все это было продано немцам. После отступления нам дали пополнение и перебросили наш 21-й армейский корпус на Западный фронт (в период августа 1915 г. — марта 1917 г. фронтом командовал генерал от инфантерии А.Е. Эверт. — Примеч. авт.). С большими потерями через Летроженку, Комарово, Остров, Лиду и Барановичи наш корпус отходил с боями до Минска. В сентябре 1915 г. наш корпус погрузили в эшелон и отправили в направлении Двинск — Рига, на западный берег реки Двина,

мог дать обоснованного ответа. Конечно, у Франции был, так сказать, традиционный источник людских сил — африканские колонии. Однако всем было понятно, что марокканцы и алжирцы не шли ни в какое сравнение с немецкими солдатами. В этих условиях взоры военной и политической верхушки Франции устремились к России. Генерал Гальени, очевидно, не был одинок в своем мнении, что помимо черных рабов Франция может иметь и белых — русских...

Вопрос о посылке войсковых контингентов во Францию официально ставится перед правительством

сти» [16. С. 244–245]. Потребность большого расхода в людях связывалась французскими политиками с военной промышленностью, которая из-за нехватки рабочей силы оказалась в столь тяжелом состоянии, что для работы на заводах пришлось возвращать солдат с фронта. Однако фактически отправка русских войск во Францию и на Салоникский фронт осуществлялась в обмен на вооружение, предоставлявшееся России союзниками. Зависимость России от ее иностранных кредиторов приобретала все более кабальный характер. Союзники были заинтересованы в усилении этой зависимости — и для того, чтобы урезать территориальные притязания России, и для того, чтобы расширить возможности своего проникновения в российскую экономику после войны. После поражений 1915 г. царизм шел на удовлетворение самых тяжелых и унижительных для России требований союзников, в том числе расплаты за «помощь» огромными человеческими жертвами (французы требовали отправки на Западный фронт 400 тыс. русских солдат).

Оценивая возможную численность русских соединений, планировавшихся к отправке, русское командование исходило из следующих соображений. С одной стороны, было необходимо предоставить русским войскам известную долю самостоятельности, но вместе с тем не возлагать на них чересчур большой ответственности. Дивизия, а тем более корпус, казалась соединением слишком крупным, состоящим из всех родов оружия; их применение в специальных условиях Западного фронта, насыщенного разного рода техникой, могло вызывать большие трудности для наших генералов. С другой стороны, полк являлся единицей, которой французы могли бы помыкать, не считаясь с русскими уставами и обычаями [16. С. 246–247].

В результате после посещения П. Думером России в ноябре-декабре 1915 г. было принято решение о последовательной отправке во Францию и Салоники четырех отдельных пехотных бригад под командованием генералов Н.А. Лохвицкого, В.В. Марушевского, Дидерихиса и Леонтьева. Две бригады (1-я и 3-я) были направлены на Западный фронт (Франция), а две другие (2-я и 4-я) воевали на Салоникском фронте (Македония). Численность бригад составляла около 7 тыс. человек каждая. Они, за исключением 1-й бригады, не отличались от обыкновенных русских бригад, хотя и носили название особых [16. С. 244, 296]. При этом было принято решение для начала отправить одну бригаду. Из опасения подводных лодок ее направили не обычным путем из Архангельска, а через Владивосток. *«Подобного безумия я, конечно, предвидеть не мог, тем более что за все время войны ни один из посланных мной пароходов потоплен не был»,* — вспоминает А.А. Игнатьев [16. С. 249].

В последующем 2-я, 3-я и 4-я бригады Русского экспедиционного корпуса отплывали во Францию все же из Архангельска, хотя первоначально часть сил отправилась для этой цели во Владивосток. Некоторые детали отправки во Францию 3-й бригады отражены в воспоминаниях И.К. Синявского: *«...В марте 1916 г. нашу роту и другие роты из различных корпусов собрали в эшелон численностью около тысячи человек и отправили на Владивосток. Поехали мы через Москву, Пермь, Оренбург и доехали до Челябинска, где остановились до особого распоряжения командования. Находясь в Челябинске, мы проживали в казармах, где нас хорошо обмундировали, а также проводили с нами учебу. Там же мы получили пополнение. Примерно через полтора месяца (апрель-май 1916 г. — Примеч. авт.) мы получили при-*

каз ехать не на Владивосток, а на Архангельск. Погрузили нас в эшелон и поехали на Вологду — Архангельск. В Архангельске нас уже ждал Французский флот. Мы погрузились на военные корабли, пополнили запасы воды и горючего и пошли по Белому морю. Шли вдоль берегов Норвегии и Швеции. Потом вышли в Северный Ледовитый океан, обогнули Англию, шли между Исландией и Ирландией...» [17].

В это время во Франции завершалась подготовка достойного приема наших войск. Французы, со своей стороны, всячески шли навстречу малейшим пожеланиям военного атташе полковника А.А. Игнатьева, руководившего подготовкой. Лагерь Мальи (недалеко от Шалон-де-Марне), избранный для 1-й бригады, считаясь образцовым, был наиболее близким как к фронту, так и к большой дороге из Шалона в Париж, что облегчало сношения русского командования и с фронтовым, и с тыловым

французским командованием. Серьезным оказался вопрос с переводчиками, необходимыми не только для усложнявшейся с каждым днем связи с артилле-

рией и авиацией, но и в войсковом быту. По всем французским армиям понеслись запросы о лицах, знакомых с русским языком, и после двукратного отбора в лагере Мальи их заставили пройти специальный курс подготовки. Наконец, подготовка к приему нашей бригады послужила предлогом для издания вновь вышедших французских боевых уставов на русском языке. Помогла начинанию А.А. Игнатьева французская бережливость. В архивах Национальной типографии сохранились в полной неприкосновенности русские шрифты времен Александра I. Ими в 1814 г. набрались все русские правительственные распоряжения и военные приказы по оккупационному корпусу. Высланный в Россию значительный тираж этого документа имел в русской армии большой успех [16. С. 249–251].

Настал день прибытия во Францию первых эшелонов 1-й Особой бригады Русского экспедиционного корпуса: 20 апреля (3 мая) 1916 г. два французских парохода «Адмирал Латуш Тревиль» с 1-м Особым полком на борту и «Гималаи» со 2-м полком прибыли в Марсель [19]. В дальнейшем бригады (2-я, 3-я и 4-я)

прибывали в Брест, где Салоникские бригады перегружались на железную дорогу, а потом на суда в Марселе.

В то время, когда 1-я Особая бригада уже прибывала во Францию, в Петрограде возобновились переговоры с французской делегацией, находившейся в России с 5 мая 1916 г. с целью союзнической координации. Обсуждался вопрос о возможности посылки во Францию 400 тыс. русских солдат. Однако обстоятельства войны диктовали свои условия, и было решено, что Россия пошлет во Францию 5 бригад по 10 000 человек между 14 августа и 15 декабря 1916 г. [5. С. 270]. Всего же во Францию и Македонию были направлены четыре русские Особые пехотные бригады общей численностью 43 тыс. солдат и офицеров. Численность 1-й и 3-й Особых бригад, действовавших во Франции, составляла около 20 300 человек [20]. Кроме этого были многочисленные пополнения для «покрытия убыли русских солдат в тяжелейших боях — это новые тысячи обреченных» [18. С. 8].

«...Путь занял 15 суток. Наконец прибыли во Францию в порт Брест. Нам была устроена торжественная встреча, встречал сам

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926)

Военачальник, генерал от кавалерии (1912). С 1871 г. на военной службе, окончил Пажеский корпус (1872), офицерскую кавалерийскую школу (1883). В 1873–1877 гг. — адъютант 15-го драгунского Тверского полка, в 1878–1881 гг. — начальник полковой учебной команды. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., отличился при штурме крепости Ардаган, осаде и взятии Карса, за что награжден орденами св. Станислава 2-й и 3-й степени и св. Анны 3-й степени. С 1883 г. — в Петербургской офицерской кавалерийской школе: адъютант, старший преподаватель, начальник отдела, помощник начальника и с 1902 г. — начальник школы. В 1906–1909 гг. — начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1909–1912 гг. — командир 14-го армейского корпуса, в 1912–1913 гг. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа, в 1913–1914 гг. — командир 12-го армейского корпуса. С началом Первой мировой войны командовал 8-й армией. За умелое руководство войсками при занятии Галиции, взятии городов Галич, Перемышль и выход в район Дуклинского перевала в Карпатах удостоен ордена св. Георгия 3-й и 4-й степени.

С марта 1916 г. — главком Юго-Западного фронта. За достигнутые в ходе боевых действий успехи награжден Георгиевским оружием. С февраля 1917 г. — военный советник Временного правительства, в мае-июле Верховный главнокомандующий русской армией.

президент Пуанкаре, Главнокомандующий генерал Ф. Фош и другие. Среди русского командования были и наши атташе полковник А.А. Игнатъев. Когда мы шли по городу, все улицы были устланы цветами, нам бросали цветы с балконов и французы кричали: «Виват, русские богатыри!» В городе нас поселили в хорошие казармы, дали обед с вином. Мы были очень ослаблены иштормом, болели и кушали мало. В плавании у нас умерло 5 человек.

Через двое суток нас посадили в хороший пассажирский вагон, и мы поехали в Париж. Во время всего переезда на каждой остановке нас встречало население с цветами и вином. В Париже мы простояли 2 часа и поехали дальше в лагерь Мальи. Там с нами проводили занятия с французской техникой. Это был конец августа 1916 г. Так мы провели в лагере полтора месяца» [17. С. 15–16] — вспоминает И.К. Синявский.

Однако помимо изучения французской техники значительная часть времени в процессе заня-

тий в лагере Мальи тратилась на подготовку к парадам и прохождению церемониальным маршем перед высшими французскими начальниками. Охлаждать тот пыл, с которым русские офицеры наслаждались маршировкой в сомкнутом строю, убивая драгоценное время на ранжир и безукоризненную внешнюю выправку, было очень трудно даже военному атташе. Они неизменно оправдывались желанием не ударить лицом в грязь перед союзниками. Напрасно полковник А.А. Игнатъев убеждал генерал-майора Н.А. Лохвицкого как можно скорее приняться за освоение новой пехотной тактики [16. С. 256–257]. Вместе с тем у французов вызывали восхищение наши солдаты, побившие все французские рекорды по метанию ручных гранат. Для наших

Лохвицкий Николай Александрович

(1867–1933)

Окончил Киевскую Владимирскую военную гимназию, 2-е военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. С 30 мая 1912 г. — командир 95-го пехотного Красноярского полка. 11 февраля 1915 г. произведен в генерал-майоры. С 3 апреля 1915 г. — командир 25-й бригады, с 8 мая 1915 г. — 24-й пехотной дивизии. В 1915 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени. С 21 января 1916 г. командир 1-й Особой пехотной бригады, во главе которой отбыл во Францию. За боевые отличия в боях во Франции награжден командорским крестом ордена Почетного легиона, а за действия в апреле 1917 г. за захват укр. позиций противника в деревне Курси — орденом св. Георгия 3-й степени. В 1917 г. произведен в генерал-лейтенанты. С начала июня 1917 г. — начальник Особой пехотной дивизии. После заключения мира в 1919 г. уехал на Дальний Восток, где в армии адмирала А.В. Колчака получил в командование армию. С 1923 г. жил в Париже.

войск
это было
новинкой.

Таким же нововведением являлись стальные каски, которые пришлось специально заказать не с французским, а с русским гербом. После длительной подготовки бригады заняли отведен-

ные для них наиболее спокойные участки на фронте.

«...В октябре 1916 г. наш полк построили в полной готовности и объявили, что мы теперь переформированы в 6-й Особый полк⁴. Я находился в 1-й роте. Приехало много грузовых машин, нас усадили по 30–35 человек, и мы поехали ближе к фронту. Заняли сектор обороны, который назывался Батени и Берри-о-Бак. Деревни, в которых мы стояли, назывались Мурмелон Пети и Мурмелон Гранд. В ту же ночь мы сменили французов. На следующую ночь нас послали в наступление на немцев. Так как мы плохо знали местность, было много раненых и убитых. Все это было в ноябре 1916 г. Немцы пустили газы, в результате чего из нашего полка погибли еще десятки человек. Я и мой друг были отравлены газом и попали в госпиталь...» [17. С. 16] — так описывает первые боевые потери русского экспедиционного корпуса И.К. Синявский. При этом в мемуарах А.А. Игнатъева утверждается, что обе наши бригады, находившиеся на Западном фронте, в первый и последний раз приняли участие в боевых действиях лишь в апрельском наступлении 1917 г.

Зима 1916–1917 гг. на Западном фронте оказалась страшно холодной. Земля промерзла так, что стала оттаивать лишь в апреле. В окопах свирепствовали болезни. Затишье помогло противникам как-то восстановить понесенный урон. Во Франции стратегические просчеты маршала Ж. Жоффра привели к тому, что главнокомандующим был назначен дивизионный генерал Р. Нивель, который обладал талантом «гладко» говорить, в том числе и по-английски. Применение танков и измотанности германских армий во Франции и Фландрии укрепили Р. Нивеля в убеждении, что есть хорошая возможность прорвать германскую оборону. Он разработал план на-

ступления и сумел убедить британских коллег в своей правоте. Предполагалось отвлекающими атаками английских и французских армий на участках Аррас — Бапом и между Соммой и Уазой сковать германские силы, а основной удар нанести южнее, на р. Эна между Реймсом и Суассоном. После продолжительной и интенсивной артподготовки примерно из 3000 орудий французы должны были начать наступление с одновременным выдвижением резервных войск, чтобы не терять темпа [21].

Подготовка к наступлению войск Антанты велась в соответствии с решением Петроградской конференции 1917 г. Переход в наступление определялся в срок с 1 апреля до 1 мая. Последняя дата признавалась предельной всеми союзниками при условии, что «метеорологические условия не создадут непреодолимых обстоятельств».

4 февраля 1917 г. Вильгельм II, не имея сил для отражения возможного наступления, а также учитывая трудность удержания разрушенных артиллерийских позиций на р. Сомме, отдал приказ об отходе германских войск на позиции Зигфрида. Отход имел кодовое название «Альберих» (имя хитрого гнома из «Саги о Нибелунгах»), мероприятия по его подготовке начались 9 февраля. 16 марта германская армия начала отход на позиции Зигфрида, представлявшие собой солидную оборонительную систему. Теперь противников разделяла полоса разрушенного, труднопроходимого для техники пространства. Союзники лишились также возможности нанести удар с флангов по германским армиям, до отхода располагавшимся в Нуайонском выступе. Это вызвало перегруппировку англо-французских войск и перемену плана операции.

По новому плану главный удар наносился на сорокакиломет-

ровом участке между Суассоном и Реймсом в направлении на Ирсон силами вновь образованной резервной группы армий. В первом эшелоне находились 5-я и 6-я французские армии, во втором — 10-я армия, за ней готовилась 1-я армия, переброшенная из состава Северной группы.

Выбор Нивелем участка прорыва на главном направлении был не особенно удачен. Помимо очень сильных германских укреплений здесь был сложный рельеф местности, которая представляла собой три ряда плоскогорий, расположенных параллельно одно за другим; между ними находились болота и долины. Французское командование понимало трудность осуществления прорыва на намеченном участке фронта. Однако генерал Нивель, делая ставку на неожиданность наступления, решил прорвать германскую оборону в ее наиболее укрепленных пунктах. В случае успешного развития операции он рассчитывал легко сокрушить и остальные, по его мнению, наиболее «уязвимые пункты». Уверенность Нивеля подкрепляли привлеченные к операции огромные силы и средства. Так, в наступающих в первом эшелоне на направлении главного удара 5-й и 6-й армиях насчитывалось свыше 30 пехотных дивизий, 1 кавалерийская дивизия и 2 русские бригады экспедиционного корпуса, подерживаемые 3464 артиллерийскими орудиями разных калибров. С учетом ввода второго эшелона, состоявшего из 1-й и 10-й французских армий, силы французов на этом направлении составили 59 пехотных, 7 кавалерийских дивизий, свыше 5000 орудий всех типов, 1000 самолетов и 200 танков. Всего для проведения операции намечалось привлечь более 100 пехотных дивизий союзников и свыше 11 тыс. орудий всех типов и калибров. Германское командование на направлении главного удара фран-

цузов располагало 27 пехотными дивизиями, 2431 орудием и 640 самолетами.

Ставка Нивеля на достижение внезапности не оправдалась. Германскому командованию удалось добыть сведения о направлении главного удара союзников. 4 апреля был взят в плен французский унтер-офицер, имевший при себе приказ, раскрывающий план операции. Поэтому вспомогательный удар англичан не мог отвлечь внимание германцев от направления главного удара.

Операция началась 9 апреля в 5 часов 30 минут утра с нанесения англичанами вспомогательного удара у Арраса, на двадцатикилометровом участке южнее Живанши. Наступлению основных сил французских армий на направлении главного удара предшествовала артиллерийская подготовка, проводившаяся с 7 по 12 апреля. Она имела целью разрушить неприступную оборону на всю глубину. Однако ненастная погода помешала авиации корректировать огонь артиллерии. Слабо развитая сеть наблюдательных пунктов ограничивала возможность эффективного использования артиллерии. Это привело к тому, что артиллерийская подготовка не дала положительных результатов. Поэтому атаку германских позиций отложили до 16 апреля. Артиллерийская подготовка продолжалась и снова неудачно. Огромное сосредоточение артиллерии, ее разнокалиберность привели к путанице в процессе

подвоза боеприпасов — артиллерия стала получать снаряды не своего калибра. Но наступление не было отменено.

16 апреля в 6 часов утра пехота 5-й, 6-й французских армий и 1-й и 3-й русских бригад при поддержке огневого вала, двигавшегося со скоростью 100 м в 3 минуты, пошла в атаку. Германские войска, предупрежденные длительной артиллерийской подготовкой противника, покинули первую позицию и отошли в зону недосягаемости артил-

Русские солдаты зарекомендовали себя умелыми воинами. Попытки германцев сломить их морально-боевой дух не удалось. Частые атаки германской пехоты на позиции, занятые русскими, пресекались решительными штыковыми контратаками. Русские бригады, участвовавшие в апрельском наступлении 1917 г., проявили большое мужество. Французский военный министр Пеплеве отмечал, что русские «храбро рубились под Бримоном». При штурме этого форта погибло 70% русских сол-

сохранена, но старая дисциплина уже держалась на волоске. Доверие к командованию у солдат было окончательно подорвано. Многие начальники не появились лично в тяжелые минуты на угрожаемых участках и не сумели поддержать связь между атаковавшими батальонами. Разделив участь соседних французских дивизий, не добившихся стратегического прорыва германской обороны, наши бригады утратили то, что является первым и необходимым условием успеха, — веру в победу [16. С. 296]. План Р. Нивеля потерпел полный провал. Английская и французская армии дорого заплатили за эту неудачную операцию. Французская армия потеряла 122 тыс. убитыми и ранеными, в том числе более 5 тыс. русских из состава 3-й русской бригады, сражавшейся в составе 32-го французского корпуса, англичане — около 80 тыс. [23–24].

После поражений 1915 г. царизм шел на удовлетворение самых тяжелых и унижительных для России требований союзников, в том числе расплаты за «помощь» огромными человеческими жертвами (французы требовали отправки на Западный фронт 400 тыс. русских солдат).

лерийского огня, оставив впереди себя пулеметные огневые точки с расчетами в бетонных колпаках. Густые волны французов и русских попали под убийственный заградительный огонь неподдавленных пулеметов и артиллерии. Пехота, неся огромные потери, мужественно продолжала атаку. На высотах Краон 1-й армейский корпус даже овладел участком второй полосы, но был с большими потерями отброшен назад.

17 апреля атака была продолжена. 4-я французская армия в этот день сумела захватить возвышенность к югу от Моронвиллера. 5-й французской армии при поддержке вступившей в бой 10-й армии удалось 18–20 апреля овладеть склонами гребня Шмен-де-Дам. На этом закончился успех атакующих. По настоянию французского правительства, извещенного об огромных потерях, операция Нивеля была прекращена [22].

дат. Всего в апрельской операции потери составили 5183 человека из 20 тыс. русских солдат, находившихся во Франции.

«...Настал 1917 г. Зима была лютая, много снега и сильный мороз до 20°. В марте нашу дивизию перебросили в г. Реймс провинции Шампань, где французы и наше командование готовили наступление на немцев. Это было начало апрельского наступления 1917 г. Успехи на фронте продолжались весь апрель, так как удалось выбить немцев из укрепленных позиций. После нас сменили французы, и мы пошли на отдых. Пришли опять в тот лагерь, откуда уезжали на фронт...», — вспоминает И.К. Синявский [17. С. 16].

Дружно, как один человек, превозмогли они самый тяжелый для пехоты момент — выход из окопов. Волны русских атакующих быстро обгоняли французские. Честь русской армии была

1-ю Особую бригаду в апрельском наступлении на укрепленную деревню Курси не смогли остановить ни двадцать шесть рядов проволочных заграждений, ни три линии насыщенных огневых средствами оборонительных рубежей, создававшихся немцами в течение двух лет. Но чего это стоило! Когда стремительным броском бригада заняла деревню Курси и позицию у канала, в ротах оставалось в строю от 15 до 25 солдат. Потери бригады составили по меньшей мере 5000 человек. После этого сражения с ранением в левую руку оказался в госпитале и ефрейтор Р.Я. Малиновский — в то время начальник первого пулемета первого взвода четвертой пулеметной команды 2-го полка 1-й Особой пехотной бригады [18. С. 11–12].

Последствием неудачной апрельской операции было открытое возмущение во французской армии. Генерал Р. Нивель был смещен со своего поста и заменен Петэнном. На последнего воз-

лагалась задача усмирить французских солдат и восстановить боеспособность армии. Волна забастовок прошла на военных заводах Франции, в швейной промышленности, на стройках. В мае и июне бастовали рабочие металлургической промышленности. Рост движения выразился в организованном 1 мая митинге, самом большом с 1914 г. Во второй половине мая усилилось революционное движение в армии. Оно развивалось под лозунгами: «Да здравствует мир!», «Долой бойню!». Отдельные части отказывались идти в окопы, другие захватывали грузовики и поезда, чтобы отправиться в Париж. По примеру России создавались Советы [25].

Провал наступления, огромные жертвы вызвали возмущение и в среде русских солдат. Зная о Февральской революции в России, они потребовали возвращения на Родину: «Россия нуждается в нас. Хватит, дайте нам уехать». Особенно сильными были волнения в 1-й Особой бригаде. Это и понятно: она состояла в основном из фабрично-заводских рабочих, а 3-я бригада — из бывших крестьян. Не случайно в одном из документов при характеристике личного состава 1-го полка

1-й Особой бригады говорилось, что она состоит сплошь из рабочих, имеющих «большой навык к массовым политическим выступлениям» [26, 18. С. 12].

Вскоре после отречения 15 марта 1917 г. царя Николая II от престола в пользу его брата великого князя Михаила Александровича и отказа последнего от предложения было образовано Временное правительство. Оно представляло практически весь российский политический спектр, однако Петроградский совет продолжал существовать, что создавало серьезные проблемы. Беспорядки не прекращались, но правительство не хотело использовать силу для наведения порядка, предпочитая убеждать и разъяснять. В то же время Временное правительство заверило страны Антанты, что Россия сохранит верность своим союзническим обязательствам. Петроградский совет, напротив, предложил воюющим странам осудить свои агрессивные устремления и заключить мир. Призывы прекратить воевать стали проникать в действующую российскую армию благодаря деятельности агитаторов из числа военнослужащих. Эти веяния затронули и части Русского экспедиционного корпуса, где солдаты после апрельского поражения действительно отказывались вернуться на фронт. Происходило это на фоне справедливых претензий солдат к начальникам, которые не выдавали им вовремя жалованье, полного безденежья раненых, разбросанных французами по всей территории страны, закончившегося провалом и огромными поте-

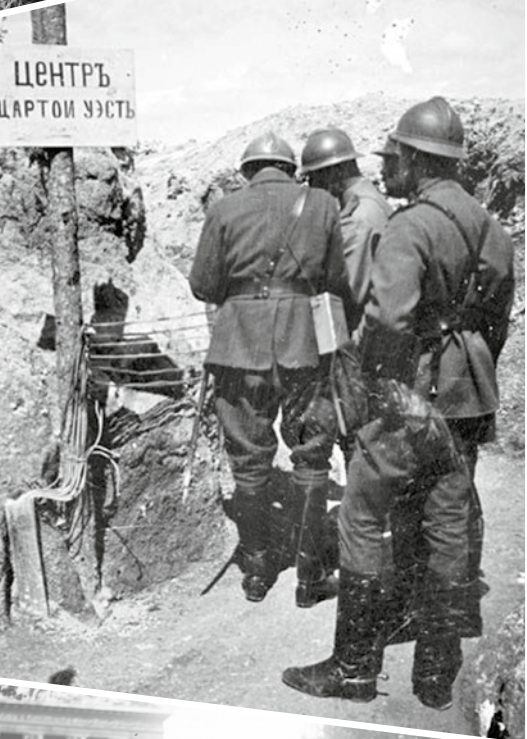
рями апрельского наступления, и т.д. Это было не восстание против офицеров, а массовое признание невероятной и неоправданной жестокости войны.

К тому времени на первый план во Временном правительстве выдвинулся А.Ф. Керенский. В мае 1917 г. он стал военным и морским министром, в июне — председателем нового состава Временного правительства, а в августе — Верховным главнокомандующим. Керенский полагал, что победа над внешним врагом — лучший способ положить конец беспорядкам внутри страны. По его распоряжению в августе учреждается Политическое управление Военного министерства, в армии вводится смертная казнь на фронте. Во все крупные соединения отправились представители Временного правительства для налаживания взаимодействия между командирами и солдатскими комитетами. А.А. Игнатьев вспоминает о сложившемся двоевластии в двух русских бригадах во Франции (1-й и 3-й), сведенных в июне в одну Особую пехотную дивизию (под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого). 16 июля военный министр Франции потребовал навести железную дисциплину в русских частях. Однако никакого восстания и жестокого его подавления именно французскими властями не было. Русских солдат и офицеров 3–6 (16–19) сентября 1917 г. расстреливали русские офицеры и солдаты, а подготовили братоубийство и командовали им русские — представители Временного правительства М.И. Занкевич и Е.И. Рапп, в то время как

Марушевский Владимир Владимирович
(1874–1952)

Генерал-лейтенант (1919), командовал 3-й Особой пехотной бригадой (1916–1917), с сентября 1917 г. — и.д. начальника Генерального штаба. Участник Белого движения на Севере, генерал-губернатор и командующий войсками Северной области (1918–1919). С 1919 г. в эмиграции.

французские солдаты отказались стрелять в русских, осуществляя лишь блокаду лагеря до 10 (23) сентября.

В начале сентября 1917 г. М.И. Занкевич и Е.И. Рапп предложили А.А. Игнатьеву сопроводить их в лагерь для предъявления русским солдатам «последнего», как они выразились, «ультиматума». Что стояло за этой заимствованной из дипломатического словаря формой обращения к своим солдатам А.А. Игнатьев в тот момент не знал, но представители Временного правительства объяснили, что на сей раз они едут «по соглашению с французским правительством». Все же атташе отказался. Оказалось, М.И. Занкевич умолчал о главном: пресловутое «соглашение с французским правительством» означало предоставление ему французским командованием пушек для расстрела русских солдат...

Девять пехотных рот, четыре пулеметных взвода, три артиллерийских взвода 75-миллиметровых пушек и три кавалерийских взвода были направлены против русских, которые в мае были отведены с фронта в лагерь Ля-Куртин. Особенно революционно была настроена 1-я бригада, в которой вели работу члены РСДРП(б) и беспартийные, но политически развитые солдаты. К ним присоединилась и часть солдат из 3-й Особой бригады. В результате в конце августа 1917 г. около 10 тыс. русских солдат, отказавшихся сдать оружие и требующих отправки на Родину, окопались в Ля-Куртине. Лагерь был окружен солдатами 2-й Особой артиллерийской бригады генерала Беляева, направлявшейся в Салоники [19. С. 8–10]. Во второй линии располагались французские войска, которым было приказано стрелять по восставшим, если первая линия откажется драться со своими русскими братьями. 3 (16) сентября

в 10 часов был дан первый артиллерийский залп. В ответ восставшие, построившись на плацу, под оркестр запели «Марсельезу». По другой версии, солдаты 1-й и 3-бригад начали отстреливаться. 4 (17) сентября они продолжали сопротивление, хотя две трети лагеря было занято. К 6 (19) сентября сопротивление русских солдат было сломлено, а 10 (23) сентября снята блокада лагеря [22. С. 340–341]. По другой версии сопротивления не было, и после трехдневного обстрела часть солдат в Ля-Куртин сдалась, после чего они были разделены на рабочие команды и расселены по департаментам [19. С. 10].

Только после этого представители Временного правительства передали командование русскими войсками французам. По распоряжению французского правительства из основной массы солдат были сформированы рабочие батальоны; отказавшихся в них вступить отправили в Африку на каторжные работы (всего около 3000 человек). Зачинщики (110 человек в основном из состава 1-й Особой бригады) были преданы суду и посажены во французскую военную крепость [4. С. 154; 16. С. 314–316]. Часть русских солдат вновь отбыла на фронт — был сформирован Русский легион, входивший в состав Марокканской дивизии Французского иностранного легиона, который принимал участие в сражениях 1918 г. на территории Украины. Однако и в этих русских подразделениях волнения не утихали, в результате чего три из четырех батальонов были расформированы, а русских солдат отправляли либо в Африку, либо на принудительные работы на территории Франции. Участь сражаться в «Легионе чести», а затем окататься на принудительных работах постигла и Р.Я. Малиновского [18. С. 14–17].

Практически то же вспоминает об этих событиях И.К. Синяв-

ский: «Дорогой, когда мы двигались, стало известно, что у нас в России революция, что сбросили царя Николая II, и мы торжествовали. Другие полки нашего корпуса тоже шли на отдых. Мы провели собрание, хотели ехать на Родину, а наше командование нас заставляло идти на фронт, но мы отказались, и в лагере был бой, где много наших солдат погибло. Потом нам поставили условия, кто желает пойти в Иностранный легион, а кто на вольные работы, т.е. куда пошлют. Так наша рота пошла на работы, работали на лесозаготовках, на карьерах. Это уже кончался 1917 г. Некоторых силой послали в Африку, там они работали с утра до ночи и были объявлены как пленные немцы. А война все еще продолжалась...» [17. С. 16].

Восенней кампании 1916 г. и весенней кампании 1917 г. принимали участие русские пехотные бригады экспедиционного корпуса, действовавшие и на Салоникском фронте.

В ноябре 1916 г. войска союзников на Балканах продолжали наступление в направлении на Монастир. Их усилия увенчались успехом, и 19 ноября 1-я сербская армия при поддержке русских (2-я и 4-я Особые пехотные бригады) и французских войск овладела Монастиром, важным транспортным узлом в горной местности Сербской Македонии. Но начавшаяся зима и потери замедлили темп наступления союзников. Тем не менее их действия вызвали перегруппировку болгарских войск, а также усиление их в районе Монастира германскими частями с румынского фронта и целым турецким корпусом, прибывшим в район реки Струмы. Силы Антанты на Салоникском фронте в ноябре включали 18 пехотных дивизий (5 французских, 5 английских, 6 сербских, 1 русскую и 1 итальянскую). Им противостояли

11 пехотных дивизий противника (8 болгарских, 2 германские и 1 турецкая). Итальянцы в Албании имели три пехотные дивизии против двух пехотных дивизий Австро-Венгрии. Болгарские части были усилены германским командным составом, вооружением и снаряжением.

Вследствие незначительных успехов Салоникского фронта его наступление с 11 декабря было приостановлено. Войска фронта, растянувшегося на 350 км, потеряли с августа 47 тыс. человек убитыми и ранеными, в том числе 13 786 французов, 27 337 сербов, 4580 англичан и несколько сот итальянцев. Русские из состава экспедиционного корпуса потеряли ранеными 1116 человек, кроме того, имелись 863 больных. До 80 тыс. человек из войск Салоникского фронта умерли или были эвакуированы по болезни. Всего же убыль войск Антанты на Балканах составила 130 тыс. человек, или до 30% всего боевого состава.

К концу 1916 г. Салоникский фронт стал непрерывным и простирался от устья реки Струмы по западному берегу оз. Тахино на Демир-Хисар, Петрич, Дойран, Гевгели, Монастир, оз. Охрида, до границы Албании. Обе стороны закреплялись на занятых позициях, приостановив свои операции [22. С. 219–220].

В итоге кампании 1916 г. на Салоникском фронте Антанта не достигла поставленных целей — вывода Болгарии из войны. Содействие Салоникского фронта румынам и русским ограничилось отвлечением на греческую границу нескольких германских батальонов и удержанием на этом фронте больше половины болгарских дивизий. Причиной столь малой эффективности Салоникского фронта явились главным образом внутренние противоречия союзников и их борьба между собой за влия-

ние на Балканах. Англия и Франция не желали, чтобы на Балканах усилилось влияние России.

Первая вспышка недовольства в Русском экспедиционном корпусе произошла на французской земле еще осенью 1916 г. среди солдат 2-й Особой пехотной бригады, направлявшейся в Салоники. По прибытии во Францию ее разместили в лагере Майи близ Марселя. Правда, волнение носило стихийный характер — разгневанные солдаты убили ненавистного им подполковника Краузе. Узнав об этом, Николай II потребовал от своего представителя во Франции генерала А. Жилинского «водворить... порядок энергичными скорыми мероприятиями». И «мероприятия» последовали: восемь человек были расстреляны, шестьдесят лишены всех чинов, званий и наград. Их отправили в Россию, где посадили в тюрьму [18. С. 8–9].

План кампании 1917 г. на Балканах, намеченный Антантой 15 ноября 1916 г. на конференции в Шантильи, предусматривал решительное наступление с целью разгрома Болгарии при содействии русско-румынских армий. Для этого «восточные армии» союзников усиливались свежими войсками и уже в феврале 1917 г. имели в своем составе 23 пехотные дивизии. В марте к ним должны были присоединиться две греческие пехотные дивизии. Однако неудачный исход кампании 1916 г. для союзников на Румынском фронте привел к изменению задач Салоникского фронта, которые свелись к тому, чтобы наступлением лишь сковать силы противника. Германское командование решило перейти на Балканском театре к обороне, улучшая свои позиции и тыловые пути сообщения.

Наступление союзников, силы которых составляли 660 тыс. человек (240 тыс. англичан, 200 тыс. французов, 130 тыс. сер-

бов, 50 тыс. итальянцев, 17 тыс. русских и 23 тыс. греков), намечалось на 25 апреля. Однако атаки 25 апреля, 5 и 8 мая не дали ожидаемых результатов. В связи с общей неблагоприятной обстановкой на других фронтах операции на Салоникском фронте были 23 мая приостановлены. За

ровая война официально завершилась подписанием 28 июня 1919 г. в Версале мирного договора между США, Англией, Францией, Италией, Японией и другими странами-победительницами, с одной стороны, и капитулировавшей Германией — с другой.

Фактически отправка русских войск во Францию и на Салоникский фронт осуществлялась в обмен на вооружение, предоставлявшееся России союзниками.

время боев союзники потеряли до 20 тыс. человек. Неудача наступления Антанты на Балканах объясняется отчасти недостаточным снабжением восточных армий техникой и особенно тяжелой артиллерией. Имели значение и вспышки революционных выступлений в некоторых французских частях Салоникского фронта. До конца 1917 г. фронт союзников на Балканах оставался почти без изменений. Лишь в начале сентября французами была осуществлена удачная операция в Албании, в результате которой был захвачен район Поградца [22. С. 361].

3 декабря (20 ноября) 1917 г. Советская Россия пошла на секретные переговоры с Германией о мире, и 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор. Покидали коалицию и союзники Германии: Болгария подписала перемирие в конце сентября, Турция — 30 октября, Австро-Венгрия — 4 ноября. Германское правительство оказалось в изоляции, и в результате успешного осеннего наступления англо-французских войск Германия капитулировала. 11 ноября 1918 г. в пять часов утра, когда на Западном фронте еще гремела артиллерийская канонада, в Компьенском лесу в железнодорожном вагоне было подписано перемирие. Шесть часов спустя грохот пушек прекратился. Длившаяся более четырех лет Первая ми-

По настоянию советского правительства русские солдаты впоследствии были возвращены на Родину [27]. При этом французы по-своему оценивали обстановку: не все русские солдаты были отправлены в Советскую Россию, часть солдат попала в армию генерала А.И. Деникина. Некоторые сведения об этом периоде содержатся в воспоминаниях И.К. Синявского:

«...Настал 1918 г., 11 ноября был заключен акт о капитуляции Германии: немцев победили французы, англичане и американцы. Наш отряд не вышел на работу, просились домой. Французы нас закрыли в бараки, где мы трое суток просидели без пищи. Кроме воды ничего не было, некоторые товарищи совсем ослабли, стали проситься пойти работать. Работали по всей Франции в разных департаментах. Ну вот, и мне дали взвод — 50 человек и послали нас на швейцарскую границу в г. Бельфорт, что недалеко от Швейцарии. Когда война кончилась, там был укреплен фронт, чтобы немцы не пошли через Швейцарию.

Настал 1919 г. В сентябре месяце было распоряжение, кто желает ехать на Родину, а кто хочет остаться на фронте. Из 50 человек моего взвода 44 человека решили ехать, и я в том числе. Мой товарищ Е.А. Омеляненко и еще 5 человек ре-

шили остаться там. Решивших уехать направили в лагерь в порт г. Марсель, где мы находились под охраной французских властей. Потом нас погрузили на военный французский пароход. Шли мы по Средиземному морю, Мраморному, через Дарданеллы. Сутки стояли на якоре в Константинополе, а потом пошли через Босфор в Черное море. В октябре 1919 г. мы прибыли в Новороссийск, где свирепствовала сильная эпидемия брюшного тифа, и у нас много человек умерло. В это время Красная Армия наступала на Новороссийск и нас, тех, которые остались в гостинице, перевезли в Севастополь...» [17. С. 16, 17].

Таким образом, по причине недостаточной полноты и корректности представления, информация о численности корпуса, версии об отказе корпуса воевать, о восстании, якобы жестоко подавленном французскими властями, и возвращении основной части корпуса на Родину (численность погибших и отправленных во Французскую Африку из состава 1-й и 3-й Особых бригад составляет не менее 70%) в российских научно-справочных трудах по меньшей мере вызывают сомнения. При этом история Русского экспедиционного корпуса в период 1916–1921 гг. заслуживает более пристального внимания и исследования. Сохранившиеся в семейных архивах воспоминания участников этих событий, в том числе приведенные в данной статье, в какой-то мере дополняют (подтверждая или опровергая) имеющиеся сведения о деятельности Русского экспедиционного корпуса в Первой мировой войне.

□

ПЭС 14125/01.09.2014

Примечания

1. «Илья Муромец» — первый в мире четырехмоторный тяжелый бомбардировщик. Модификация самолета «Русский витязь». Построен на Русско-Балтийском за-

воде под руководством И.И. Сикорского в конце 1913 г. В декабре 1914 г. сформирована эскадра — первая в мире авиачасть тяжелых бомбардировщиков. Использовались в войне для налета на тылы противника.

2. 21-й армейский корпус. Командиры: ген. от инфanterии Я.Ф. Шкинский (май 1914 г. — октябрь 1915 г.), генерал-лейтенант В.П. Широков (октябрь 1915 г. — апрель 1917 г.), генерал-майор В.П. Троянов (июль — сентябрь 1917 г.), генерал-лейтенант Н.Э. Бредов (с 30 сентября 1917 г.).

3. Перемышль — русское название города Пшемьсль в Польше. В X–XII вв. за него шла упорная борьба между Польшей, Венгрией и Киевской Русью. С XII в. входил в Галицко-Волинское княжество (с 1340 г. — в составе Польши). С середины XIX в. крепость. Во время войны в ходе Галицийской битвы 1914 г. русские войска Юго-Западного фронта осадили Перемышль, в котором находилось около 130 тыс. австро-венгров и 1 тыс. орудий. Штурм 22–24 сентября (5–7 октября) из-за отсутствия осадной артиллерии окончился неудачей. Вследствие отхода войск фронта на восточный берег р. Сан осада была снята. 26 октября (8 ноября) 1914 г. Перемышль вновь осадили. После четырехмесячной осады 9 (22) марта 1915 г. гарнизон крепости капитулировал. 21 мая (3 июня) 1915 г. в связи с общим отходом русской армии из Галиции крепость была оставлена.

4. 1-я Особая пехотная бригада (1-й и 2-й Особые пехотные полки), 2-я Особая пехотная бригада (3-й и 4-й Особые пехотные полки), 3-я Особая пехотная бригада (5-й и 6-й Особые пехотные полки), 4-я Особая пехотная бригада (7-й и 8-й Особые пехотные полки).

Литература

1. Первая мировая война: Пролог XX века. М.: Наука, 1999. С. 10–11.

2. Шацко В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М.: Олма-пресс, 2003. 480 с.

3. Зайончковский А.М. Первая Мировая война. СПб.: Полигон, 2000. 880 с.

4. Залесский К.А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 576 с.

5. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.

6. Краснов В., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь. М.: Олма-пресс, 2002. С. 508.

7. Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 824.

8. <http://ria.ru/world/20110621/391105858.html>.

9. Владиславский-Крекшин Н.А. Наступление французов весной 1917 г. (Сражение на р. Эна) // Военная наука и революция. 1922. № 1.

10. Деренковский Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Исторические записки. 1951. Т. 38.

11. Карев П. Экспедиционный корпус. Куйбышев, 1941.

12. Козлов А. Проданные за снаряды. Л., 1931.

13. Лисовенко Д. Их хотели лишить Родины. М., 1969.

14. Малиновский Р.Я. Солдаты России. М.: Воениздат, 1969.

15. Шаевский Д. Русские солдаты на Балканах (Воспоминания

участника Первой мировой войны) // ВИЖ. 1964. № 10.

16. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955. 450 с.

17. Кикнадзе В.Г. Военная история в судьбах поколений и современном осмыслении. М.: «Спутник+», 2011. С. 14–15.

18. Горбунов М.Н. Солдат, полководец (О маршале Советского Союза Р.Я. Малиновском). М.: Политиздат, 1973. С. 6–7.

19. Голубович В.С. Маршал Р.Я. Малиновский. М.: Воениздат, 1983. С. 4.

20. Российский Государственный военный исторический архив (РГВИА), Ф. 2000, оп. 3, д. 30, л. 84.

21. Messenger C. The century of warfare — Negus, England: Martin Production Ltd, 1995. P. 40–42.

22. История Первой мировой войны 1914–1918: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 329–339.

23. РГВИА, Ф. 416, оп. 1, д. 83, л. 19.

24. Всемирная история: В 24 т. Т. 19. Первая мировая война / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. — Минск: Современный литератор, 1999. С. 181–182.

25. Дюкло Ж. Октябрь 1917 года и Франция / Пер. с франц. М., 1967. С. 88–89.

26. РГВИА, Ф. 2003, оп. 4, д. 2, л. 4–5.

27. Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1959. С. 527–528.

